

4 стр. ♦ ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ ♦ 17 декабря 1988 г.

СУББОТНИЙ
ВЫПУСК

НАШ ДОСУГ

*У нас в гостях—артист—с

Евгений
ПЕТРОСЯН:«БЕЗ РАБОТЫ
НЕ ОСТАНУСЬ»

«Что за смешки в реконструктивный период! Вы что, с ума сошли!». Этот гневный вопрос, заданный 60 лет назад Ильфу и Петрову одним из ревнителей «порядка», кое-кто, наверное, хотел бы адресовать и заслуженному артисту РСФСР Евгению Петросяну. Смело работает артист, даже дерзко. Возможно, многое из его репертуара непривычно для слуха челябинской публики. Хотя нет. При мне двое зрителей во время концерта во дворце спорта «Юность» так обменивались по поводу услышанного: «Мы давно об этом говорим». И незатихающий смех, и громкие аплодисменты — все это признаки одобрения.

— А знаете, какой вопрос чаще всего задают зрители? — говорит Евгений Ваганович. — Вот здесь, в Челябинске, пришла такая записка: «Что делается по вашим выступлениям, какие решения принимаются?»

Сатира не наделена полномочиями власти. Она лишь может формировать общественное мнение в зависимости от того, насколько широко тиражируется. Может высмеивать явление. Но запретить — не может. А вот человек, написавший записку, и сотни, тысячи его сограждан в состоянии «запретить» негативные процессы, не дать им ходу. Я часто слышу аплодисменты зрителей прямо во время номера — ведь это реакция согласия. Это значит, что наш народ прямо-таки физически ощущает потребность перестройки. Страна, где боятся смеяться над недостатками, — неправильная страна. И мы теперь учимся смеяться открыто. Учимся главному — гласности. Знаю одно: с этого и надо было начинать.

— А что вы вкладываете в понятие «гласность»?

— Не помню, кто употребил это выражение: гласность в пределах гласности. Я сначала посмеялся: какая же это гласность, если существуют пределы? Потом стал размышлять: да, есть пределы. Гласность не должна перерастать в хамство или граничить с фальсификацией. Ею и ханжа может воспользоваться очень умело, и тогда это обернется во зло. Но еще человеку надо дать гарантии безопасности. Раньше я бы никогда не поверил, что смогу сказать то, что сказал делегатам XIX партконференции на концерте, им посвященном: «Если гласность появилась у нас только потому, что нам ее порекомендовали сверху, то что же будет с этой гласностью, если с того же верха придет указание, что ее слишком много? И что будет со мной за то, что я вам все это рассказываю? И с вами — за то, что вы сейчас это слушаете? Вот эту неуверенность с народа надо снять.

— Можете ли вы сказать, что сейчас вам работает совершенно свободно?

— Вспоминаю свой прошлогодний юбилейный вечер, который по Центральному телевидению был показан в феврале этого года. Представьте, реакция многих ветеранов нашего жанра была отрицательной: «Это неслыханно! Вседозволенность!» Их можно понять. Они прожили на другом литературном материале. Прижатое новое поколение фельетонистов с их новым подходом к темам — значит, признать свою несостоятельность. Ведь они в основном воспевали, а не обличали. Занимались, так сказать, позитивным юмором.

Должен с огорчением сказать, что перестройка не коснулась «развлекательной части» Центрального телевидения. Все живое и острое по-прежнему «вырезается». Говорю это со всей ответственностью. Беспочвенно незнание и непонимание редакторами радио и телевидения законов нашего жанра. Оно заменяется пренебрежительным отношением: дескать, с точки зрения высокой литературы все это пошло и грубо. Телевидение меня всегда уродовало. Не говорю уже о радиопередачах, в которых некоторые реплики вырезали, оставляя смех слушателей. В результате такого «монтажа» и артист, и автор текста выглядели идиотами. Инерция перестраховки живуча. Редакторы по-прежнему боятся замечаний начальства и не смеют перечить. А начальники «перестроились» так: они не признаются, что их пугает острота, а просто говорят: «Фу, какая пошлость». И это для редакторов становится сигналом к действию. Так что я с большим удовольствием выхожу на сцену концертного зала, чем в телевизионную или радиостудию. Здесь я могу открыто высказывать свои мысли.

— А как обходились в прежние времена?

— Мы, сатирики, приспособлялись.

В эпоху застоя можно было ругать только работников торговли и... эстраду — за пошлость. А что такое эстрада? Смею заверить — это журналистика от искусства. Она самым тесным образом связана с общественной жизнью страны. Но вот что любопытно: никому в голову не приходило ругать газеты за их однообразие, монотонность, безликость. А ругать эстраду считалось чуть ли не правилом хорошего тона. А что эстраде позволялось? Директор Московского концерта мог сказать так: кто будет говорить про отсутствие продуктов, получит выговор.

Еще в 80-м я намекал на «литературный труд» главы государства. Это отодвинуло присвоение мне звания заслуженного артиста РСФСР на пять лет. Другим за подобные «художественные приемы» снижали ставки, не пускали в зарубежные гастроли. И все же мы искали способы, использовали эзопов язык, намекали, «бликовали». Чтобы люди по второму плану могли понять изначальную мысль. Может, кто-то помнит миниатюру Карцева и Ильченко: «Доктор, сшейте мне костюм». «Я не шью». «Ну, я вас очень прошу, сшейте. Клянусь, никто об этом не узнает...». Люди догадывались, о чем речь: врачу с его маленькой зарплатой приходилось подрабатывать шитьем.

— В нашей жизни так много перемен. Успевайте ли вы за временем?

— Нынешние номера устаревают раз в десять быстрее, чем раньше. Выход один — работать каждый день.

— Утром — в газете, вечером — в куплете!

— Мы обязаны опережать газеты. Иначе превратимся в иллюстраторов. Горжусь тем, что в 1986 году в спектакле «Как поживаешь?» первым сказал о переименовании русских городов, хотя директора театра эстрады этот факт ужасно напугал. Гораздо раньше соответствующих постановлений прозвучали в моих выступлениях темы трудовой дисциплины и борьбы с анонимщиками.

— На концерте вы сказали, что авторов, пишущих для эстрады, не так уж много. Ощущаете дефицит материала?

— Сколько работаю в эстраде, столько слышу от коллег и людей, косвенно принадлежащих к нашему жанру: «Не хватает репертуара, дефицит материала... Это непрофессионально! Должен сказать, что выход на сцену — лишь небольшая часть нашей работы. Основное — подготовка, повседневная работа с автором. Если нет автора, артист все равно должен находить материал: в газетах, библиотеках, репертуарных сборниках.

На сцене я выступаю от первого лица. Но не собираюсь претендовать на авторство. Тексты принадлежат писателям. Хотя процесс работы над ними (кстати, очень длительный) всегда идет совместно. Автор учитывает мои мысли, тенденции. Если я придерживаюсь другого мнения, я никогда не стану выходить с этим на сцену. Сейчас я и сам взялся за перо. Пишу книгу по заказу издательства «Искусство». В ней — и биографические заметки, и теоретические рассуждения. Пытаюсь сформулировать законы жанра, основываясь на творении комического. А вот жанр своей будущей книги я определил бы как развлекательное искусствоведение. Надеюсь, она будет интересна не только артистам и начинающим авторам, но и зрителям. Многие, возможно, с большим вниманием и интересом станут относиться к эстраде. Учат же понимать классическую музыку!

— Чтобы обличать, бичевать, надо, пожалуй, иметь моральное право. Не встает ли такая проблема перед сатириками?

— Актер на эстраде — сплав самых разных качеств. Их десятки. В том числе и гражданская позиция. Вспоминаю Аркадия Райкина. Он не был депута-

том. Но всегда стремился кому-то помочь: получить квартиру, установить телефон. Однажды даже помог вызволить из тюрьмы матроса, посаженного незаслуженно. Бесспорно, чтобы отрицать негативное, антидуховное, сатирик сам должен быть нравственным человеком. Однако каждый сам себе устанавливает пределы нравственности. Наши отношения цеховые (я имею в виду отряд сатириков), к сожалению, далеко несовершенны. Внешне, вроде бы, все дипломатично, корректно. А как часто сталкиваешься с недоброжелательностью, даже злорадством. Еще в 70-х годах я призывал артистов нашего жанра к дружбе, взаимопомощи, братству. Не получилось. Не хочу ничего дурного говорить о коллегах, однако многим бы советовал обратить на это внимание. Нравственность — понятие «растяжимое». Но объективными остаются такие категории, как подлость, цинизм, наущничество, корысть. И — благородство, доброта, порядочность. Самый большой порок, по моему, равнодушие. Оно рождает остальные. Равнодушный может убить, предать...

— Ваши гастроли в Челябинске совпали с ужасным событием — землетрясением в Армении. И многих зрителей интересует: как Петросян отнесся к этому?

— Как все люди, был потрясен. Хотя, вместе со всеми пережив траур, вышел на сцену, чтобы веселить, развлекать. Такова моя работа. Нельзя по ней судить о моем внутреннем состоянии. Когда у меня умерла мать, я выступал во Дворце съездов. И не мог не выйти на сцену.

— Как вас принимают за границей?

— Я выступал и на Бродвее, и на Елисейских полях, в Канаде, Испании. Правда, только перед русскоязычной публикой. Принимают и реагируют прекрасно. Как в Москве, например. Даже более свободно. Кричат: «Здоровья Горбачеву!» А перед иностранцами с моим жанром не выступишь. Я не представляю, как бы я рассказал, допустим, американцам миниатюру о том, как врача побежала купить две курицы, сказав пациенту: «Не закрывайте рот». Меня бы не поняли.

* * *

Разумеется, на концерт мы идем не как на лекцию. И думаю, со мной согласятся многие: живое слово сатирика куда полезнее, чем призывные и мобилизующие, но такие холодные лозунги. Как говорит Петросян: «Зачем нам так много лозунгов, нам бы больше продуктов». Что ж, человечество, смеясь, расстается со своими пороками. Правда, сам артист считает так: «Сколько бы ни выступал сатирик, проблем от этого меньше не становится».

Да, не скоро придет то время, когда сатирики останутся без работы.

Л. САДЧИКОВА.
Фото Э. КОМАРОВА.

Р. S. Автор просит редакцию гонорар за этот материал перечислить на счет № 700394 для оказания помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.